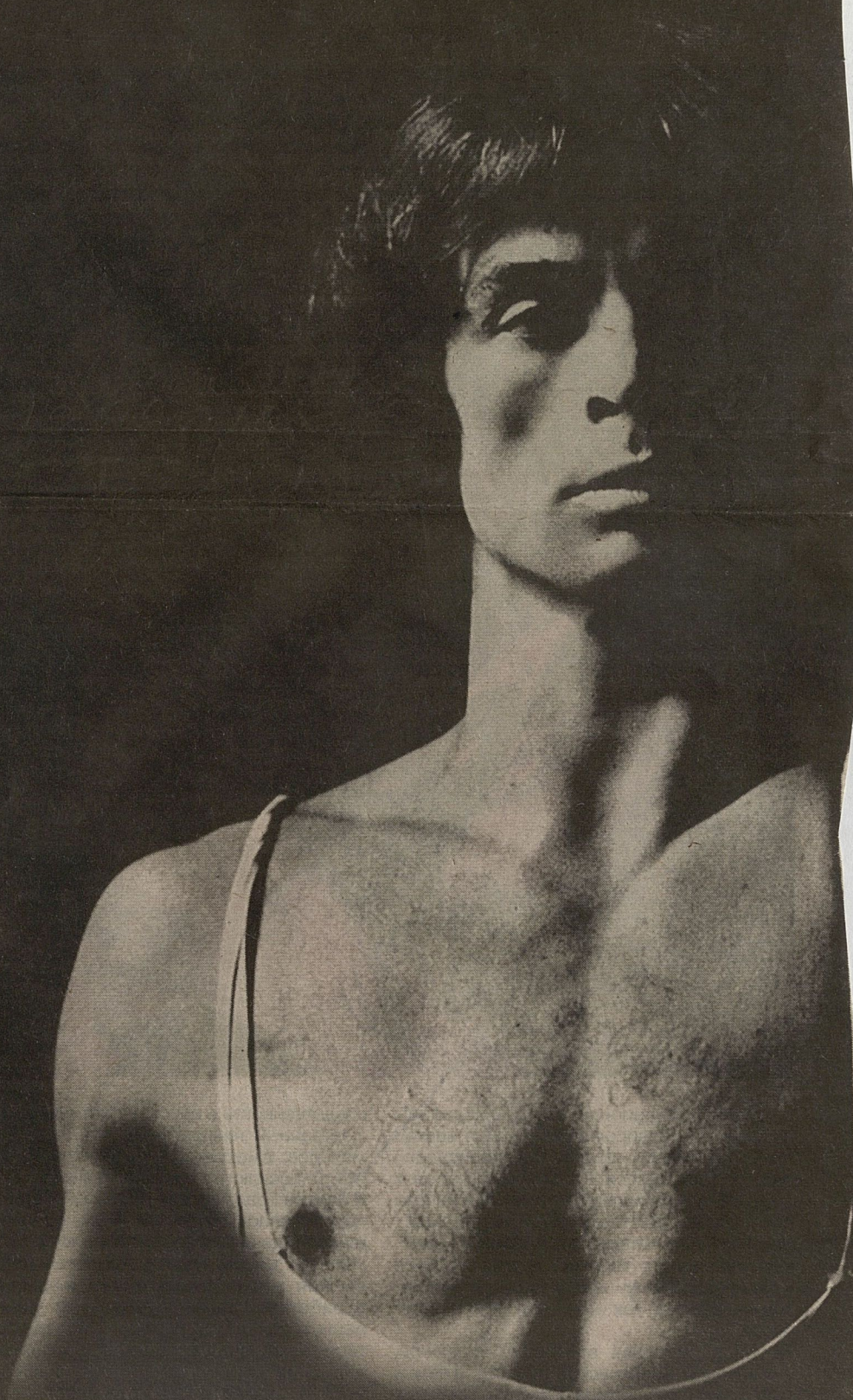

**“В НОЧЬ
перед
смертью
ОН СИЛЬНО
плакал”**

Десять лет назад умер Рудольф Нуриев. Гала-концерты памяти Нуриева уже прошли в Opera de Paris, в Миланском театре La Scala, в Мариинском театре. Концерт в Кремлевском дворце с участием звезд Opera de Paris, Датского Королевского балета, Covent-Garden — первое московское мероприятие, посвященное печальной дате.

О Рудольфе Нуриеве вспоминает его первая партнерша, прима Мариинского театра Нинель Кургапкина:

«Про Нуриева никто ничего до конца не знал, потому что он со всеми был разный. То, что знали все, — так это то, что он никогда или почти никогда не платил в ресторанах, не платил за жилье, считая себя достоянием Франции. «Это они должны мне платить, что я тут у них живу», — так он говорил. Я помню, мы вдвоем — еще Миша Барышников — пошли в ресторан «Оранжерея» в самом центре Парижа — очень модное такое заведение, там Бельмондо устраивал свадебную трапезу. И Рудик платил — он был страшно недоволен. Когда я жила у него в Париже, меня, а не его просили, чтобы господин Нуриев заплатил налоги. «А почему вы не попросите сами?» — спросила я. «Мы боимся».

Когда я помогала ему в последние месяцы жизни работать над «Баядеркой» в Opera de Paris, он был уже очень плох, лежал на диване во время репетиций, но реагировал на все так же чутко, как и всегда. О своей болезни он почти не говорил, продолжая бороться — и в театре, и в больницах, и дома, в своей роскошной квартире на набережной Вольтера, где за ним ухаживали Дус Франсуа — его верная Дус, — у которой он когда-то жил в ее квартире в парке Монсо, а также Марика Безобразова. Они мыли его, одевали, кормили, поили — словом, делали все по дому. Мужчины ему не помогали, они у него были для другого.

Он ждал конца, не иронизируя, не тоскуя, мы даже вместе с ним сходили на премьеру «Чаплина» Ролана Пети в «Шатле». Было плохо, и я знала, что так будет, но Нуриев сказал: «Я должен». И мы пошли. В нашу ложу. И сразу все глаза были устремлены на Нуриева. И я — то смогла беспроблемно работать в Париже лишь благодаря ему, так как у Рудольфа были неограниченные возможности и абсолютное влияние, по-моему, в любой сфере. А вот в последнюю ночь перед смертью он плакал, очень сильно плакал...

15 — 16 октября
среда — четверг

Фотограф: Kenn Duncan